

вторых, он признавал мир вечным (хотя он и создан, но создан навеки).

Будучи одновременно врачом и философом, Авиценна особый интерес проявлял к естественным наукам, а в философии представлял ярко выраженное рационалистическое направление. Труды Авиценны, нацеленные на рационалистическое истолкование мира, позволили ему занять видное место в истории человеческой мысли. Открывая новые пути в медицине, естествознании и философии, он вступил в острый конфликт с официальной доктриной ислама. Мусульманские богословы (в частности, Газали) обвиняли Авиценну в ереси и даже атеизме.

Авиценна был по существу последним значительным философом в странах Арабского Востока. После его смерти лишь в мавританской Испании продолжал еще действовать влиятельный центр арабской философской мысли, в котором в основном переводили и комментировали сочинения Аристотеля. Отсюда влияние аристотелизма распространялось далеко за пределы Пиренейского полуострова, ускоряя процесс рецепции учения Стагирита на западе Европы. Здесь жил и творил крупнейший арабский философ Аверроэс, под влиянием которого оформилось течение европейских аристотеликов - «аверроистов».

Уваров Л.В., Лойко А.И. Евразийская культура в символике знаков

Греческое слово «*semeion*» означает «знак», «значок», «признак», «сигнал». Слово же «*semaino*» означает «указываю», «обозначаю», «отмечаю», «даю знак», «объявляю», «приказываю». Оба слова физически полагают наличие самих знаков как семиотических актов. Отметим здесь, что дым – это признак костра, но не его символ. Распускающиеся почки на ветках деревьев означают приход весны, но не символизируют ее. Темные тучи – признак дождя, а не его символическое выражение. Пульс – показатель сердечной деятельности, а не ее символ. Тень – сигнал об объекте, а не его символ. Ключ указывает на замок, но не символизирует его.

Что касается этимологии слова «символ», то она означает отличное от «знака» содержание и происходит от греческого глагола

«symbolo»). Этот глагол означает: «сбрасываю в одно место», «сливаю», «соединяю», «сшибаю», «сталкиваю», «сравниваю», «обдумываю», «закрываю», «встречаю», «улаживаюсь». И тем не менее следует заметить, что символ частично совпадает со знаком, как минимум соответствует объекту, замещает его. В этом смысле знак – это «свернутый» символ, а символ есть «развернутый» знак! [1].

Если учитывать, что термин «символ» происходит от греческого слова «symbolon» (что значит «примета», «признак», «пароль», «знак»), то следует согласиться с А.Ф.Лосевым в том, что сопоставление «символа» как глагола и как существительного указывает на совпадение двух планов действительности. «Символ имеет значение не сам по себе, но как арена встречи известных конструкций сознания с тем или другим возможным предметом этого сознания» (курсив наш – У.Л.) [2 с.12, 18, 38-39].

Приведем несколько наглядных примеров функционирования действий символов, их отличия от образов и знаков.

Итак, идеальный образ как приблизительно верное воспроизведение действительности в голове человека – это отражение. Знак является средством обозначения предметов и передачи о них информации. Символ – это выражение, воплощение

или представление в наглядном образе каких-либо идей, чувств, эмоциональных состояний человека.

Чем же конкретно отличается символ от образа и знака? В чем его назначение? Некоторые девушки и женщины носят на шее украшение – цепочку с прикрепленными к ней изображениями сердца, якоря и крестика.

Здесь виден тройственный смысл символа как наглядного выражения того, чем больше всего дорожит человек: сердце с его влечениями – любовь; якорь – устойчивая, надежная, счастливая жизнь; крестик – вера в божественное начало мироустройства, в спасение от грехов. Такого рода символика широко применяется в нашем быту, общении, поведении.

В отличие от знаков, зачастую безразличных к природе обозначаемого, символы имеют определенную степень сходства, аналогичности с символизируемым. И основное назначение символа – изобразить, наглядно видоизменить абстрактное, сделать его осязаемым.

Многие из вас, например, знают, что Фемида в мифах древних греков – это богиня правосудия, законного порядка и предсказаний. Она изображалась с повязкой на глазах («беспристрастие»), весами в левой руке («взвешивание всех доводов за и против подсудимого»), мечом – в правой («возмездие, неизбежность наказания»). Так происходит изображение главных смысловых элементов правосудия.

Наши душевные состояния – влечения, желания, эмоции, чувства, как и духовные образования (мысли, идеи, жизненные планы, верования и др.), то есть весь внутренне-личностный мир невозможно непосредственно физически или геометрически измерить, взвесить, начертить на бумаге, увидеть с помощью приборов. Язык научных терминов («объем», «температура», «инерция», «траектория» и др.) здесь бессилён. Слова обычного языка могут обозначать душевные и духовные состояния, но схематически, с потерей многокрасочности и уникальности (неповторимости) внутреннего мира.

Даже познание самого себя, а не только понимание другого человека в отмеченных характеристиках, – это не прямое «дублирование» моего или чужого субъективно-идеального мира, а их символические преобразования.

Недаром, выражая свое тяжелое душевное состояние, можно сказать: «У меня на душе камень», или: «На сердце кошки скребут», либо: «Я как загнанная лошадь». Выделенные слова образуют метафоры, то есть образцы наглядного сходства, уподобления с моими беспокойствами, мучениями, трудной жизнью.

В общении с другими и в стремлении проникнуть в их внутренний мир мы преобразуем чужие переживания (являющиеся для нас «потемками», отвлеченными реальностями) в конкретную наглядность, яркость и самоочевидность собственных впечатлений.

Символ включает в себя обобщенный принцип развертывания свернутого в нем смыслового содержания, то стоит выделить также идеологические и побудительные символы. К ним относятся «идеал, девиз, план, проект, программа, решение, постановление, лозунг, призыв, воззвание, пропаганда, агитация, афиша, плакат, пароль, кличка, указ, приказ, команда, закон, конституция, делегат, посол, парламентар» [2, с. 195].

Эти и другие мыслеобразы (метафорически выраженные мысли), как и символические образы мифологии в целом – Афродиты (богини любви и красоты), Эроса (космической перволюбви, сладостной причины всех зачатий и рождений), Танатоса (носителя разрушений и смерти), Эдипа (символа отцеубийства, преступления и наказания), Нарцисса (символа себялюбия), Сфинкса (воплощения загадочности и любознательности), а также многие другие образы плодотворно использовались выдающимися психологами. З. Фрейд изучал действие «безумного коня», или индивидуального бессознательного, темного начала в динамике нашей душевно-духовной жизни, определяемой противостоянием Эроса и Танатоса. Г. Юнга преимущественно интересует процесс формирования личности, которая осваивает усилиями своего «Я» дары «животворного моря» (коллективного, бессознательного). Он подчеркивал, что человек всегда носит с собой всю свою историю и историю человечества. Вымыслы литературные, метко заметил Юнг, – это вымыслы сновидений. Известный философ А.Шопенгауэр не менее афористично сказал, что жизнь и сны – это страницы одной и той же книги. Читать по порядку – значит жить, а листать как попало – значит мечтать. Наконец, тот же Платон остроумно отметил, что хорошие люди довольствуются сновидениями того, что плохие люди делают на самом деле.

Платоновские размышления о теле, душе и духе звучат сегодня не только красочно, но и эвристично. Согласно Платону, вечная космическая (она же и человеческая) жизнь – это непрерывное взаимопроникновение идеального и материального, душевно-духовного и телесно-соматического. Такое взаимопроникновение характеризуется степенями, градациями, то есть разной пронизанностью материального и идеального (духовного, невещественного).

Наше тело подчиняется такой иерархии, утончению: физическое тело – оболочка души как «первого этажа» духа; душа – лаборатория духа, сознания; дух – обрамление космического разума. Мы смотрелись в зеркало космоса и обнаружили, что наш организм состоит из пяти тел: физическое, плотное тело; эфирное, или энергетическое тело; астральное, или эмоционально-душевное тело; ментальное, или умственно-духовное тело; личностное тело, обрамляющее наше истинное «Я».

В таком восходящем соподчинении телесное, материальное утончается до духовного; в обратном, нисходящем соподчинении духовное, бестелесное уплотняется, «застывает» до материально-телесного. Как видим, материя и дух связаны таким удивительным способом, который трудно (почти невозможно) выразить логическими понятиями, но легко выразить символическими метафорами («тонкий», «плотный», «застывший», «творчески-созидающий», «соподчинение» и др.); символами, в которых соединяются наглядное и невыразимое, привычное и неизвестное («храм», «лаборатория», «космос – это ритмика, гармония, порядок», «сердце – солнце организма», «тела» в архитектуре организма и др.). А поэтому целостность, нераздельность, бесконечная тайна взаимосвязи духа и материи может быть описана не теоретическими терминами, а обычным языком. Например, нет духа без материи, как и нет материи вне духа.

Символы (как системы знаков) применяемые в различных науках, называют дискурсивными, или позволяющими делать новые выводы по сравнению с исходными системами символов. Такого рода символы выражают наши теоретические знания о фатах внешнего мира и объективных аспектах деятельности человека.

Что касается человеческих чувств, переживаний, эмоций и других параметров нашего субъективного мира, то они составляют внелогическую сферу психики и выражаются так называемыми недискурсивными символами искусства, мифологии, поэзии. К таким символам, наполненным индивидуально-личностной окраской, относятся метафоры, образы воображения, наглядно-чувственные ассоциации, аллегории (последние являются иллюстрациями смысла басен, например). Вот яркий пример недискурсивного символизма – прекрасное стихотворение Ф.И. Тютчева «Последняя любовь»:

О как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, -

Помедли, помедли вечерний день,
Продлись, продлись очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность. [3, с. 139]

Евразийский контекст культурной символики следует искать на границе степи и леса и степи. Для этих поисков необходима отличная от европоцентристской интерпретация цивилизационного подхода к социальной реальности. В контекст рассмотрения культуры необходимо ввести феномен кочевой цивилизации. С позиции этого феномена по иному предстает роль кочевников в исторической эволюции человечества. Именно это обстоятельство отмечают Д. Кшибеков и Т. Кшибеков [4]. Предстоит по новому проанализировать смысловой контекст культурной символики в рамках модифицированной концепции цивилизаций и исторического процесса.

Литература

1. Уваров, Л.В. Символизация в познании / Л.В. Уваров. – Минск, 1971.
2. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М., 1976.
3. Тютчев, Ф.И.. Лирика / Ф.И. Тютчев. - Минск, 1977.
4. Кшибеков, Д.К. Речь и письменность: трансформация звукознаковых систем / Д.К. Кшибеков, Т.Д. Кшибеков. – Алматы, 2004.

Москаленко М.Р. Концепция евразийства как поиск модели культурно-исторической идентичности

Евразийство как направление общественно-политической мысли возникло в 1920-е гг. прежде всего, как ответ на экспансию западных держав и попытки навязать национальным культурам либеральные ценности и стереотипы мировосприятия. После I Мировой войны, казалось, наступил расцвет колониальных империй Запада: